

Секция «Журналистика»

К вопросу о средствах реализации авторских интенций в новелле Генриха фон Клейста «Землетрясение в Чили» («Das Erdbeben in Chili»)

Кочкина Евгения Игоревна

Студент

Ставропольский государственный университет, Факультет филологии и журналистики, Ставрополь, Россия

E-mail: kleopatrastav@rambler.ru

Г. фон Клейст (1777 - 1811) является одним из выдающихся мастеров немецкой новеллы, во многом предопределивший модели художественного познания и развития немецкой текстовой культуры.

В отечественном литературоведении новелла «Das Erdbeben in Chili» остается малоизученной. О ней кратко сообщается в «Истории немецкой литературы», как о еще одном произведении Клейста, пронизанного идеей рока. По мнению Т. Манна, это «великолепный рассказ, где все счастье, прощение, вся доброта, все душевное очищение и братство людей, . . . , разрушаются и превращаются в губительную ярость возмездия из-за фанатизма доминиканского проповедника» [2]. Другие известные исследователи творчества Клейста, такие, как Н.Я. Берковский, Н.С. Павлова тоже упоминали эту новеллу только в данном смысле. Таким образом, одно из самых замечательных произведений немецкой романтической литературы нуждается в более детальном рассмотрении различных содержательных аспектов.

Цель данной статьи заключается в выявлении библейских реминисценций и определении их значения для выражения авторских интенций в художественном мире новеллы Клейста «Землетрясение в Чили».

С самого начала повествования на сюжетно-тематическом уровне перед читателем всплывают библейские образы. Дон Астерон, отец героини, «заключил дочь в кармелитский монастырь Пресвятой Девы, что на горе» [1]. Неслучайно автор так подробно указывает место заточения Хосефы: отсылка «что на горе» напоминает о Голгофе, где был распят Христос. Монастырский сад, ставший «местом совершенного счастья» Херонимо и Хосефы, указывает на библейский Эдем. И в этом святейшем месте происходит грехопадение. Здесь читателя ожидает своеобразная антиномия: Хосефа *зачала ребенка* в монастыре *Пресвятой Девы*. Но Клейст вводит такой контраст вовсе не для того, чтобы изобразить весь ужас греха, а скорее с целью показать особое предназначение младенца, обстоятельства жизни которого, начиная с появления на свет, переключаются с известными всем событиями из жизни Христа.

Автор сообщает, что Филипп рождается в день праздника Тела Христова, день, когда верующие совершают Таинство Причащения. Считается, что, причащаясь, люди получают исцеление, обретают возможность изменить свою жизнь, исправить свою человеческую природу. И, таким образом, получают возможность спастись. Сын Херонимо и Хосефы является миру именно в этот день, как некая надежда на спасение. Во время страшного землетрясения матери чудом удается спасти дитя, она прорывается сквозь огонь и клубы дыма к монастырю, где находится Филипп. Монахиня передает малыша на руки Хосефе, после чего монастырь рушится, и все его обитатели погибают.

В долине, куда, как в единственное убежище, приходили люди, Херонимо «увидал у источника, орошавшего ущелье, молодую женщину, купавшую ребенка в его чистых водах» [1]. Автор актуализирует в сознании читателя образ принятия крещения Христом в водах реки. Считается, что благодаря данному религиозному обряду человек очищается от всех грехов, в том числе первородного греха, получаемого нами по наследству. Тем самым Клейст хочет показать духовную чистоту сына Херонимо и Хосефы в противовес мнению «фанатиков-злодеев», видящих в невинном ребенке дьявольское отродье, ответственное за поступки родителей. Однако, когда происходит кровавая расправа, из двух детей, имеющих равные шансы быть убитыми, в живых остается Филипп. Он как будто защищен невидимым покрывалом Девы Марии, с молитвами к которой обращался Херонимо, «как единственной заступнице, от которой он мог еще ждать спасения», будучи заключенным в тюрьме.

Безусловно, Клейст глубоко сочувствует своим героям. Всех, кто был так или иначе причастен к трагедии Херонимо и Хосефы, настигла божья кара. Во время землетрясения погиб архиепископ, по приказанию которого героиню предали страшному суду, дворец вице-короля провалился, здание суда, где ей вынесли приговор, дом ее отца и кармелитский монастырь были уничтожены стихией.

В новелле прослеживается связь с еще одним известным библейским персонажем. Когда на возлюбленных накинута разъяренная толпа во главе с кровожадным фанатиком Педрильо, несчастного Херонимо выдал его собственный отец. Эксплицированный автором мотив предательства отцом сына отсылает к образу Иуды Искариота. Трагедии можно было бы избежать, т.к. никто из собравшихся в доминиканской церкви не знал героев в лицо, если бы самый близкий человек не указал на юношу: «Это – Херонимо Ругера, граждане, ведь я – его отец!» [1]. Подобным образом, согласно христианскому учению, апостол Иуда указал толпе, посланной иудейскими старейшинами и первосвященниками схватить Христа, на своего учителя: «Кого я целую, тот и есть, возьмите его». Итог один – насильственная смерть, с разницей лишь в мотивах предательства: Иуда был одержим сребролюбием, а отец Херонимо – фанатичной верой.

Тема Эдема предстает перед нами не только во время свидания двух влюбленных в монастырском саду, но и во время их долгожданной встречи в долине. «Хосефе казалось, что она в раю». Долина стала местом, где «люди всех званий и состояний» «жалели друг друга, помогали друг другу», «словно общее несчастье слило в одну семью всех тех, кто его избежал» [1].

Таким образом, установлено, что библейские мотивы и образы органично вплетаются в ткань повествования и служат для реализации авторских идейно-художественных задач, что «Землетрясение в Чили», «Клейстовская Библия», обладает особым эстетическим кодом, без знания которого невозможно адекватное понимание авторских интенций, ориентированных на философско-эстетический контекст переходной – от Просвещения к романтизму – эпохи.

Литература

1. Клейст Г. фон. Драммы. Новеллы. М., 1969.
2. Манн Т. Генрих фон Клейст и его повести // Иностранная литература. 2003. № 9. С. 234 – 244.